

УДК 811.511

КАРЕЛЬСКО-РУССКИЕ СЛОВАРНЫЕ ЗАПИСИ АФОНСКОГО АРХИМАНДРИТА ФЕОФАНА, СДЕЛАННЫЕ В СОЛОВЕЦКОЙ ТЮРЬМЕ (1666–1668 ГОДЫ)*

И. И. Муллонен¹, О. В. Панченко²

¹*Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН*

²*Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН*

Статья посвящена важному для истории карельского языка источнику – рукописным карельско-русским словарным записям XVII века, обнаруженным в библиотеке Соловецкого монастыря в конце XIX в. Несмотря на анализ, предпринятый Й. Микколой и Н. А. Мещерским, памятник далеко не исчерпал заключенный в нем потенциал для исследования. В статье уточнено время написания памятника и установлен его автор – афонский архимандрит Феофан, заточенный в Соловецком монастыре в 1666–1668 годах. Раскрыты также некоторые обстоятельства создания списка. Предложено новое прочтение ряда слов рукописи – как ее русской, так и карельской части. Выявлены языковые особенности, позволяющие верифицировать карельскую диалектную основу списка и, таким образом, описать некоторые характерные признаки карельского языка XVII века в Поморье.

К л ю ч е в ы е с л о в а : карельско-русские словарные записи, памятники карельской письменности, Афон, Поморье, Соловецкий монастырь, Головленкова тюрьма.

I. I. Mullonen, O. V. Panchenko. KARELIAN-RUSSIAN LEXICAL NOTES OF ARCHIMANDRITE THEOPHANES OF ATHOS WRITTEN IN THE SOLOVKI PRISON (1666–1668)

The paper is devoted to a source essential for the Karelian language – hand-written Karelian-Russian lexical notes dated to the 17th century, discovered in the Solovetsky Monastery library late in the 19th century. Although previously analysed by J. Mikkola and N. Meshchersky, the source still holds much potential for studies. The paper specifies the time of writing and the author of the notes – Archimandrite Theophanes of Athos, who was held prisoner in the Solovetsky Monastery in 1666–1668. Some circumstances in which the list was produced have been disclosed. A new way to read some words in both the Russian and Karelian parts of the manuscript is suggested. The linguistic traits that allow to verify the Karelian dialect basis of the list and thus describe some characteristic features of the 17th century Karelian language in Pomorje have been identified.

К е y w o r d s : Karelian-Russian lexical notes, monuments of the Karelian script, Mount Athos, Pomorje, Solovetsky Monastery, Golovlenkov prison.

---

* Статья подготовлена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

Первые печатные издания на карельских диалектах появились в России в начале XIX в. и представляли собой литературу церковного содержания. Ранние же рукописные памятники письменности, включающие фрагменты карельских записей, единичны, и в силу этого каждый из них становился предметом самого пристального внимания исследователей. Это в полной мере относится к открывающим ряд берестяным грамотам № 292 XII–XIII вв. с записью заклинания от молнии [Арциховский, Борковский, 1963; Елисеев 1959] и № 403, датируемой XIV в., в которой сохранился краткий глоссарий из пяти пар карельско-русских соответствий, записанных новгородским сборщиком дани в Кирьяжском погосте Водской пятины [Арциховский, 1963; см. Laakso, 1999; Хелимский, 1986 со ссылками на предшествующую литературу].

В последующие века в документах оседали карельские географические названия и личные имена [Saarikivi, 2008]. Во второй четверти XVII в. записаны уникальные тексты десяти карельских заговоров. На основе отраженных в них языковых особенностей тексты интерпретируются одними авторами как людиковские [Баранцев, 1984], другими как карельско-вепские [Мызников, 2009]. Этот источник ждет еще дальнейшего исследования. К тому же XVII веку относятся русско-карельские словарные записи, которые сохранились в одном из списков т. н. «Азбучного (Алфавитного) патерика» библиотеки Соловецкого монастыря [Соловецкое собр. РНБ, № 648/706]. Вывезенная в Казань в середине XIX в., рукопись была описана проф. И. Я. Порфирьевым [Описание..., 1885. С. 186–188].

На это описание, включавшее в качестве примера фрагмент словаря, обратил внимание известный финский славист Й. Миккола, коротко прокомментировавший карельскую часть списка в 1901 г. [Mikkola, 1901]. Позднее, получив в распоряжение полную копию записи, он опубликовал сделанную им расшифровку документа, в которой, как сообщает, ему не удалось разобрать четыре слова [Mikkola, 1932]. Там же он обратил внимание на две особенности карельского говора, отраженного в списке: обусловленная позиционно дистрибуция свистящего s и шипящего š, а также отсутствие палатализации перед i. Более детальный анализ языковых особенностей в статье Й. Микколы отсутствует, как не ставится и вопрос о конкретных диалектных истоках карельских записей.

Последнее по времени обращение к рукописи было предпринято Н. А. Мещерским, который выправил целый ряд погрешностей предшественников, высказал свои соображения об авторстве и времени создания рукописи [Мещерский, 1961. С. 16–22].

Несмотря на то что материалы не могут быть названы, прибегая к словам Н. А. Мещерского, «ни совершенно новыми, ни абсолютно неизвестными», они еще далеко не исчерпали заключенный в них потенциал для исследования. В данной публикации предложено новое прочтение ряда слов рукописи – как его русской, так и карельской части, либо не расшифрованных вовсе, либо прочтенных с погрешностями нашими предшественниками. Установлено авторство и уточнено время написания памятника, а также некоторые обстоятельства его создания. Выявлен ряд языковых особенностей, позволяющих верифицировать карельскую диалектную основу списка.

Кто был составителем карельско-русских записей XVII в.?

И. Я. Порфирьев высказал предположение, что записи могли быть сделаны одним из старших представителей соловецкой братии «для переговоров с прислугой из карел» [Описание..., 1885. С. 188]. Н. А. Мещерский развил эту идею, предположив, что составитель записей мог быть соловецким монахом, приставленным для руководства юношами-«годовиками», которые приходили на Соловки из русских и карельских сел Поморья, чтобы потрудиться здесь по обету один или два года: «Он, без сомнения, был грамотным русским человеком. Но он также понимал и карельскую речь, так как записал ее без существенных ошибок, правильно как со стороны звучания, так и со стороны смысла» [Мещерский, 1961. С. 21–22].

При этом ни И. Я. Порфирьев, ни Н. А. Мещерский не обратили внимания на то, что карельско-русские записи на переплетных листах сделаны тем же почерком, каким выполнена запись в конце текста этой книги, оставленная одним из ее читателей: «Феофань архимандрит» (рис. 1), за которой следуют стихи из 33-го псалма («Многи скорби праведным...»).

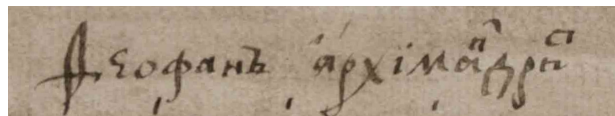

Рис. 1. Запись архимандрита Феофана в конце книги [Сол., № 648/706, л. 272 об.]

Отметим, что и в самом тексте книги сохранилась еще одна читательская запись архимандрита Феофана, умело спрятанная между строк: «Феофань архимандрит Святой горы, // в заточении сѣдя, чтохъ сию книгу». Эти слова аккуратно вписаны в пробелах рукописного текста, первоначально остававшихся незаполненными [Сол., № 648/706, л. 222 об.–223 об.].

Что же заставило его скрыть свою запись между строк (в буквальном смысле)? Известно, что в 1666–1668 гг. «архимандрит Святой горы» Феофан находился на Соловках в заключении, и ему было запрещено иметь перо и чернила. Очевидно, поэтому он и постарался скрыть свою запись от случайного взгляда.

Помимо этих двух автографов Феофана в соловецкой рукописи нами обнаружено еще несколько его автографов в следственном «деле» Феофана, сохранившемся в архиве Посольского приказа [РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1663 г., д. 9а], и в другом его «деле», связанном своим происхождением с архивом Кирилло-Белозерского монастыря [РГАДА, ф. 196, оп. 2, д. 71]. Его рукой написано также послание к патриарху Никону, хранящееся в Отделе рукописей ГИМ [Челобитная архимандрита Феофана...]. Все они выполнены одним и тем же почерком, совпадающим с почерком составителя карельско-русских записей на переплетных листах «Азбучного патерика» [Сол., № 648/706, л. 273 об.–274]. Хотя сама манера письма в этих случаях несколько разнится (послания написаны скорописью, в словарных записях преобладает полуустав), тождество почерка в них не вызывает сомнений.

Таким образом, карельско-русские записи в соловецкой рукописи середины XVII в. могут быть достоверно атрибутированы «архимандриту Святой горы» Феофану.

Как афонский архимандрит Феофан оказался на Соловках?

Кем же был святогорский архимандрит Феофан? Зачем приехал в Россию? Как оказался на Соловках?

Ответы на эти вопросы содержатся в работах целого ряда исследователей, занимавшихся изучением истории Русской Церкви XVII в. [Леонид, 1883; Из рукописей Е. В. Барсова, 1886; Макарий, 1996; Каптерев, 1914; Фонкич, 1977, 1994; Чумичева, 1998; Панченко, 2010–2011].

Вкратце история приезда Феофана в Россию такова. По происхождению Феофан был малоросс (или «белорусец», как тогда называли православных жителей Речи Посполитой), «уроженец черкасских казаков» [Каптерев, 1914. С. 191–192, прим. 2]. Образование получил в одной из православных коллегий на Украине или в Молдавии (скорее всего в Яссах). Там он выучил латинский и греческий языки. Кроме того, он хорошо владел турецким, молдавским и польским языками [Панченко, 2010–2011. С. 460]. Лингвистически одаренный, он и на Соловках взялся за изучение карельского языка.

Начало его церковной карьеры было связано, по-видимому, с Молдавией. В конце 50-х гг.

XVII в. он служил в Яссах при дворе молдавского господаря Стефана Лупу, был его духовником («крестовым попом»).

Уйдя через некоторое время на Афон, Феофан стал архимандритом одного из святогорских монастырей, именуемого Константонит.

Чтобы пополнить скудную казну своей обители, Феофан отправился за милостыней к православным правителям Молдавии, Валахии и России.

Посетив Молдавию и Валахию, он получил щедрые пожертвования деньгами и льготами на земли, обрабатываемые его монастырем. На Украине он побывал в Бучаче у Анны Потоцкой, дочери молдавского господаря Иеремии Могилы, вышедшей замуж за коронного гетмана Речи Посполитой Станислава Потоцкого. Будучи православной, она приняла Феофана как духовного отца, доверив ему свои помыслы в таинстве исповеди. Через некоторое время, когда Феофан оказался в России, известие о том, что он был духовником жены гетмана Потоцкого, сыграло роковую роль в обвинении его в шпионаже в пользу польского короля.

В Москву Феофан приехал в июле 1663 г. и поселился в Никольском монастыре «Большая глава» (подворье афонского Иверского монастыря). В документах Посольского приказа и Иверского монастыря сохранилось описание внешности Феофана. Он был «ростом не мал, лицом полон, а бороды и усов по природѣ нѣтъ» [Леонид, 1878. С. 551–552]. Человек он был весьма одаренный: пел на клиросе, писал иконы, резал кресты, играл на цимбалах [РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1663 г., д. 9а, л. 14; ф. 196, оп. 2, д. 71, л. 41]. Отличался умом и предприимчивостью, характер имел смелый и решительный, был красноречив. Ко времени прибытия его в Россию ему исполнилось 35 лет.

Приезд его в Москву был связан с тайной дипломатической миссией. Он должен был встретиться с патриархом Никоном и передать ему грамоту от 20 афонских монастырей, выразив тем самым поддержку патриарха монастырями Святой горы и признание его законным главой Русской Церкви. Миссия Феофана была сопряжена с определенной опасностью, поскольку расходилась с желанием российского государя удалить Никона с патриаршего престола.

Главным исполнителем царской воли был митрополит города Газы Паисий Лигарид, приехавший в Россию на год раньше, чем Феофан. Будучи прекрасно образован (окончил коллегию св. Афанасия в Риме), он сумел найти обоснование для низложения патриарха Никона и взялся организовать для этого собор с участием восточных патриархов.

Архимандрит Феофан преследовал прямо противоположную цель. Желая помочь Московскому патриарху, он хотел дискредитировать его противника, митрополита Газского, и с этой целью привез Никону книгу, изданную Лигаридом в Риме, которая прямо свидетельствовала о его службе папскому престолу [Лавровский, 1889. С. 714–715].

Патриарх Никон жил в добровольном изгнании в Воскресенском монастыре, именуемом Новый Иерусалим. Чтобы увидеться с ним, Феофан должен был обратиться за разрешением в Посольский приказ, дьяки которого, однако, никого из иноземцев к патриарху не допускали. Тогда Феофан, склонный к принятию авантюрных решений, решил отправиться в Новый Иерусалим без разрешения.

Никон торжественно встретил посланца Святой горы, умыл ему ноги и почтил милостыней. Феофан, в свою очередь, преподнес ему мощи священномученика Власия, привезенные из монастыря Констанит, и вручил грамоту от 20 афонских монастырей [РГАДА, ф. 52, 1663 г., оп. 1, д. 8, л. 4–7]. Наедине он передал ему книгу, разоблачавшую тайное униатство Паисия Лигарида. Никон не замедлил сослаться на нее в своих «Возражениях на вопросы боярина Стрешнева и на ответы митрополита Паисия» [Макарий, 1996. С. 422].

О поездке Феофана в Новый Иерусалим вскоре стало известно в Посольском приказе, где его заподозрили в шпионаже. Феофана вызвал глава приказа дьяк Алмаз Иванов и сделал ему строгий выговор за пренебрежение к царской власти, назвав его для острастки соглядатаем и лазутчиком [РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1663 г., д. 8, л. 2–3].

Возможно, этим бы выговором дело и кончилось, если бы в него не вмешался Паисий Лигарид, стремившийся опорочить своего опасного соперника. Он распустил слух, что Феофан является польским шпионом и что в Москву он приехал для сбора сведений о «государевых ратных людех».

В условиях войны с Польшей слухи о шпионаже Феофана казались вполне правдоподобными. Для их проверки в Посольском приказе на Феофана завели «дело». Все в его поведении стало вызывать подозрение – и то, что он легко сходится с людьми, служит в приходских церквах, отпевает покойников (по мнению посольских дьяков, все это делалось им для сбора сведений о «ратных людях»), и то, что настойчиво просит отпустить его на Афон (чтобы поскорей передать выведенные сведения польскому королю). На их возражение, что ехать сейчас невозможно, так как под Киевом стоят «польские и литовские люди, и ляхи, и татарове», Феофан

необдуманно отвечал, что ему «польские и литовские люди, и татарове не страшны» [РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1663 г., д. 9а, л. 11]. Своим заявлением он окончательно убедил подозрительных москвичей в том, что он польский агент.

И хотя никаких конкретных доказательств вины Феофана найти не удалось, в Посольском приказе решили взять его под стражу и выслать на время расследования обстоятельств его «дела» в Кирилло-Белозерский монастырь. Когда Феофана пришли арестовывать, он, схватив чужое платье, попытался бежать, но стрельцы его догнали. В отчаянии он только рукой махнул и сказал пророческие слова: «Пошел я на Соловки».

В Кирилловом монастыре архимандрит Феофан оказался на положении почетного ссыльного. Получал содержание, достойное его сана, служил в архимандричьем облачении, дружил с влиятельным старцем Матфеем Никифоровым. Обучал греческим распевам кирилловских клирошан. Читал книги, хранившиеся в монастырской библиотеке. В одной из них – греческой Псалтыри, написанной Максимом Греком, – перевел запись старца Максима и сделал приписку о себе, сравнив свое заточение с судьбой знаменитого святогорца [Фонкич, 1977, 1994].

Тогда же Феофан написал по просьбе Матфея Никифорова два сочинения об Афоне – «*Рассказ о святогорских монастырях*» [Леонид, 1883; Seemann, 1976. С. 461] и «*Изложение богослужебного устава Святой горы*» [Панченко, 2010–2011. С. 466–467].

Прожив в Кирилловом монастыре почти два года и не дождавшись освобождения, Феофан решился на побег. Толчком к этому послужил вызов в Москву его спутника – келаря Вассиана Грека, которому предстояло возвратиться с казной их обители на Афон, и слух о том, что самому Феофану «свободы не будет», что после отъезда келаря его «закуют».

В ночь на 7 октября 1665 г. Феофан выломал окно задней кельи, перелез по веревке через крепостную стену и бежал из монастыря. Шел по ночам, ориентируясь по звездам, так как понимал, что днем его будут искать.

Но безоглядный побег его окончился неудачей. Через 10 дней его поймали в 80 верстах от Кириллова монастыря и возвратили на место ссылки. Теперь его действительно заковали в кандалы и посадили в тюрьму. Для достижения своей цели Феофан был способен на многое. Как доносили о нем после поимки его власти Кириллова монастыря: «Человѣкъ он лютой, не в крѣпи ему быть нельзя» [РГАДА, ф. 196, оп. 2, д. 71, л. 24].

11 декабря 1665 г. по повелению царя Алексея Михайловича его отправили в Соловецкий

монастырь с наказом держать там «в крепях» (в окопах) до особого указа [РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1663 г., д. 9а, л. 91].

Зиму он провел в Сумском остроге, на берегу Белого моря, а весной 1666 г. его доставили на Соловки. Здесь его поместили в Головленкову тюрьму, отличавшуюся особой строгостью содержания, и запретили выдавать бумагу и чернила. Вероятно, поэтому один из его автографов, относящихся к первому году заключения на Соловках, выполнен киноварью. Это так называемая «Печать царя Соломона», изображение которой сохранилось в рукописной Псалтыри с воследованием (Сол., № 769/879) [Панченко, 2010–2011. С. 470–472].

В первый год пребывания Феофана на Соловках о снисхождении к нему просил в письме к русскому государю собор афонских монастырей [Гиббенет, 1884. С. 889]. Но просьба эта не была выполнена. Проведя два года в соловецкой тюрьме и утратив надежду на освобождение, Феофан решил бежать. Зная, что на материке ему придется иметь дело с жившими в Поморье карелами, он стал изучать карельский язык. Учителем его, по-видимому, был кто-то из его соузников.

За те два с половиной года, которые архимандрит Феофан провел в соловецкой тюрьме, в жизни этой обители произошел целый ряд знаменательных событий, в результате которых сама монастырская братия перешла в разряд государственных преступников.

Произошло это после того, как соловецкие монахи, твердо хранившие преданность «старой вере», отказались признать решения Поместного собора 1666–1667 гг. и не приняли нового архимандрита, присланного царем [Материалы для истории раскола..., 1878. С. 117–122]. После этого Патриарх Иоасаф II и восточные патриархи, участвовавшие в церковном соборе, отлучили мятежных монахов от церкви, а царь Алексей Михайлович лишил Соловецкий монастырь всех промыслов и объявил о его блокаде. Наконец, летом 1668 г. противостояние достигло высшей точки: братия отказалась повиноваться указу царя о выдаче новых монастырских властей, выслала вон царского стряпчего И. А. Волохова и не пустила в монастырь стрельцов, которые ежегодно несли в крепости военную службу.

Наблюдая за происходящим в мятежном монастыре, находясь среди монахов, отлученных от церкви и объявленных врагами царю, Феофан должен был остро переживать несправедливость своего положения заключенного, безвинно томившегося по ложному доносу. В соловецком «бунте» он мог видеть оправдание своему стремлению бежать с Соловков.

По-видимому, его взгляды разделял и один из его соузников – новгородский поп Сысой Андреев, который также пострадал за верность патриарху Никону (в декабре 1664 г. он доставил Никону письмо от боярина Зюзина) [Гиббенет, 1884. С. 114; Дело о патриархе Никоне. 1897. С. 181–190]. Другим его сокамерником был разбойник Андрей Веревкин, у которого за преступления были отсечены левая рука и обе ноги по лодыжки [Чумичева, 1998. С. 61].

В ночь на 1 октября 1668 г., на Покров, они втроем – Феофан, Сысой и калека Андрей Веревкин – «проломав тюрьму», захватили карбас и бежали из Соловецкого монастыря. Побег они совершили в самое опасное для плаванья время. Их карбас попал в шторм, и беглецы утонули в бурных волнах Белого моря [РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 32].

Через три месяца жители Кеми нашли на Шуерецком острове тела архимандрита Феофана и Андрея Веревкина и обломки их судна. Тело третьего спутника унесло море. Останки беглецов доставили в Соловецкий монастырь и там похоронили [Чумичева, 1998. С. 61].

Так закончилось жизненное странствование афонского архимандрита Феофана, составителя одного из древнейших памятников истории карельского языка.

Кто был информантом Феофана?

Среди ссыльных узников, содержащихся в соловецких тюрьмах, карелов не было. Сохранился список всех сосланных на Соловки «опальных людей» (13 человек), которых в июне 1669 г. монастырские власти выслали с Соловецкого острова в Сумский острог. (Поводом для высылки их как раз послужил недавний побег Феофана.) Среди них были греки, москвичи, малоросс и один монах из Чебоксар, но карелов среди них не было. [РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 33–34].

Зато немало было их среди сумских и кемских стрельцов, которые в летнее время несли на Соловках воинскую службу: охраняли крепость от нападения с моря и, вероятно, сторожили заключенных. В зимнее время они жили с семьями в Сумском остроге и в Кемском городке, получая от монастыря хлебное жалованье. Но летом 1668 г. соловецкие иноки стрельцов в монастырь не пустили.

И все же трое из них в сентябре 1668 г. оказались на Соловках в качестве арестантов. Их захватил в море отряд соловецких «мятежников» под предводительством монаха Аники Пушкаря. Пленников доставили в монастырь и разместили по тюрьмам. Вот как впоследствии рассказал об этом один из них, по имени Силка Аверкиев:

«Въ нынѣшнем де во 177-м [1668] году въ сентябрѣ мѣсяце по государеву (титул) указу от стряпчего Игнатѣя Андрѣевича Волохова посланы были изъ Сумского острога 4 человекѣ сумскихъ стрелцовъ для государева дѣла в Кемской городокъ. И, ѣдучи морем, на Выжской губѣ наѣхали на нас из Соловецкого монастыря въ дву судах старец Аника да с ним мирских людей с 26 человекѣ с ружьем, с пушками и с мушкеты, и почали стрелять. И нас поимали и связали руки назад и свезли в Сорочкую волость. И тамо на промыслу рыбу побрали, и нас с рыбою свезли в монастырь. И привезши на Бабыю коргу, били нас батоги до полусмерти, а говорили: “Не помогут де вам нынѣ ни архимарит, ни стряпчей. А толко де сами онѣ попадут нам в руки, и им от нас то же будет”. И в монастырѣ держали нас по тюрмам и за караулом, и до заморозу. А товарища нашего, четвертаго человекѣ, выслали вон из монастыря...» [РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 14].

Возможно, кто-то из этих троих, оказавшись в Головленковой тюрьме в сентябре 1668 г., незадолго до готовившегося ее узниками побега, и стал тем информантом, от которого архимандрит Феофан записал нужные ему слова и выражения карельского языка. Ведь среди жителей Карельского берега, которого он надеялся достичь, было немало карелов.

Какой из карельских говоров нашел отражение в записях Феофана?

Поморье попадает в сферу интересов карелов северного Приладожья в первые века второго тысячелетия н. э. Письменные документы XV века донесли память о «пяти родах корельских детей», которые имели уголья на западном побережье Белого моря и продавали их новгородцам.

О пребывании карелов в Поморье рассказывается и в Житии Зосимы и Савватия Соловецких, созданном в конце XV – нач. XVI в. (в тексте оно датировано 1503 г.). Согласно этому литературному памятнику, на рубеже 20–30-х годов XV в. и позднее, в середине XV в., поморские карелы безуспешно пытались выселить с Соловецкого острова пришедших туда первых монахов, будучи уверены, что этот остров является их «отеческим наследием».

Нестабильность обстановки в северном Приладожье, на коренной территории корелы, вызванная растущим противостоянием России и Швеции, приводит в XVI и особенно в начале XVII в. к усилению потока карельских переселенцев в западное Поморье и формированию тут разветвленной системы карельских поселений [История Карелии, 2001].

В контексте нашего документа внимание привлекают Кемь и Сумская волость, поскольку именно Кемь и Сума, пожалованные Марфой Борецкой в начале 70-х годов XV в. Соловецкому монастырю, всегда были опорным пунктом для связи с Соловками. В конце XVI века здесь были построены деревянные крепости – Сумский острог и Кемский городок – для защиты монастыря с суши.

Хотя русская составляющая в населении обеих волостей начала формироваться уже в те отдаленные столетия, западное побережье Белого моря продолжало оставаться традиционным карельским этноязыковым ареалом. Еще в первой половине XX века в непосредственных окрестностях Кеми располагалась карельская Подужемская волость (подужемский говор), карельские деревни сохраняются и по сей день в составе бывших Маслозерской, Тунгудской и Шуезерской волостей (т. н. тунгудский говор) к югу от нижней Кеми.

Логично полагать, что и в 60-е годы XVII в., когда Феофаном были сделаны словарные записи, карелы были основным населением Карельского берега Белого моря и проживали в селах Поморского берега. При этом те языковые фрагменты, которые представлены в его словарных записях, содержат характерные особенности, свойственные карельским говорам, бытующим в Поморье и квалифицируемым как южные (тунгудский) или переходные (подужемский) говоры собственно карельского наречия.

К сожалению, из-за ограниченного материала указать конкретный говор не представляется возможным. В то же время предположение Н. А. Мещерского о том, что автору рукописи «приходилось иметь дело с карелами – уроженцами разных сел» [Мещерский, 1961. С. 22], следует уточнить: сел, входивших в единый диалектный ареал.

Основные дифференцирующие фонетические признаки южных/переходных современных собственно карельских говоров обобщены П. М. Зайковым [Zaikov, 1987]. Так, на фоне северных говоров их отличает звонкость согласных g, b, d в середине слова, которая отчетливо просматривается и в тексте анализируемого документа: лавда (lauda), кивг'а (kiugoa), таг'ана (tagana), сяр'ги (särgi), таг'ла (tagla), свистящий s в начале слова в позиции перед гласными переднего ряда (siibi, siilitä, säynä) и соответственно шипящий š перед гласными заднего ряда (šuoла, šule, šulga, šyuvä). На последнюю особенность обратил в свое время внимание Миккола [Mikkola, 1932. С. 103].

Среди характерных особенностей той части южных собственно карельских говоров, которые прилегают к низовьям Кеми, – твердый характер звука r перед i (rihma). Этот признак

четко дифференцирует их от прилегающих с юга паданских и части ругозерских говоров, которые характеризуются палатализацией (fihma) [Бубрих, Беляков, Пунжина, 1997. Карта 110]. Названный признак просматривается на письме по крайней мере в одном слове документа: рыкать 'rikat', мн. ч. от rikka 'мусор'.

В соответствии с фонетическими особенностями в середине слова между огубленным гласным и *i* в словах с заднерядной огласовкой в словарных записях выступает шипящий *ž* (vuoži), в той же ситуации после неогубленного гласного используется другой по качеству звук – свистящий *z* (kazi). После *i* произносится свистящий *s* (risti, paissa). Шипящий *š* закономерен в сочетаниях *št* (vašta, jäleštä, opaštat) и *kš* (tulukšet, juokši, veneäkši). Из этого ряда выпадает, однако, форма karlaksi (<karjalaksi) 'по-карельски' с незакономерным свистящим.

В целом последовательно представлен самый значимый признак фонетической системы собственно карельского наречия – чередование ступеней согласных. Из общего ряда закономерных сильно- и слабоступенных вариантов выпадает только глагол *шпашта́* (*opaštat), в котором сильный тип основы вступает в противоречие с позицией закрытого слога, требующего слабой основы, т. е. должно быть opaššat. Поскольку к данному слову есть и другие вопросы (в частности, несоответствие лица в карельском оригинале и его переводе), можно предполагать, что в ходе диалога между автором записи и его информантом ошибочно оказалась воспроизведена сильная ступень основы.

Перечисленные особенности свидетельствуют о том, что тот собственно карельский говор, который отражен в записях архимандрита Феофана, сделанных в 60-е годы XVII века, исключительно близок к современному состоянию, во всяком случае, по тем позициям – прежде всего фонетическим, в меньшей степени грамматическим и лексическим, – которые отражены в документе. За прошедшие 350 лет изменения минимальны.

Данный вывод не нов для исторического языкознания. Он подтверждается значительной близостью собственно карельских говоров, распространенных, с одной стороны, в средней Карелии, с другой – в верхнем Поволжье (т. н. тверские, новгородские и тихвинские говоры). Столь удаленные территориально группы карелов сформировались на основе того карельского миграционного потока, который продвинулся в XVII веке из Северного Приладожья и на север – в Карелию, и на юг – в Верхне-волжье. Утратив возможности для непосредственного общения уже несколько столетий на-

зад, языковые коллективы сохранили тем не менее значительное языковое единство. Записи архимандрита Феофана выявляют лишь частные детали в языковом развитии. К примеру, в основе *венеgekши* восстанавливается карельский оригинал *venäyäkse 'по-русски' на месте современного более краткого veneäkši.

Среди графических особенностей применительно к карельской части словаря наиболее интересны те случаи, которые связаны с передачей звуков, не имеющих аналогов в русской фонетической системе. Внимание привлекает определенная нестабильность в воспроизведении переднерядного карельского *ä*, в которой, впрочем, просматривается общая тенденция: в тех случаях, где в карельском оригинале происходит палатализация звука, предшествующего *ä*, в русском тексте используется *га*: н^обл^{га} – nyblä, к^ел^{га} – käellä, и^лл^{га} – iellä, ш^ув^{га} – suuvä, с^арг^{га} – särgi, пид^{га} – pidäy. Если же *ä* не вызывает палатализации, ему соответствует в русском графема «а» (вирита – viritä, сирита – silitä, с^авн^{га} – säynä).

Несвойственные русскому языку долгие гласные укорачиваются: с^иби (siibi), г^ири (hiiri), г^или (hiili), ш^ув^{га} (šuvvä). Нехарактерный для русского языка восходящий дифтонг *uo* передается одиночным гласным: туш^ь (tuohuš), ш^ола (šuola), в^ужи (vuoži), л^ода (luoda). В свою очередь, в нисходящих дифтонгах *au*, *äy*, *ou*, *eu*, *iu* конечный лабиальный гласный преобразуется в *в*: гав^{ги} (haugi), с^авн^{га} (säynä), пид^{га} (pidäy), тулов^ь (tulou), л^ен^{ев}ь (lieney), кив^{га} (kiugoa).

Стоит отметить, что в отражении перечисленных особенностей автор словаря укладывается в правила интеграции, известные в районах традиционного прибалтийско-финско-русского контактирования на устном уровне и отраженные многократно в заимствованных из карельского языка в русские говоры Карелии лексемах и топонимах [см. подробнее Kalima, 1919; Мызников, 2003]. Иначе говоря, письмо в данном случае фиксирует закономерности восприятия звучания карельских оригиналов.

В списке в целом последовательно представлены геминированные согласные: к^ан^{на} (kanna), гук^{ка} (hukka), к^ат^{ты}ла (kattila) и др., хотя есть пара исключений, например, *а*но (anna), п^ак^{ка} (paikka), связанные, конечно, с отсутствием в оригинальной русской фонетической системе данных согласных.

Несколько замечаний о лексических особенностях карельского языка XVII века, зафиксированных словарными записями. В целом в них от-

разился общекарельский лексический фонд, яркие диалектные маркеры отсутствуют. Следует, однако, обратить внимание на некоторые утраченные уже карельскими говорами лексемы.

В свое время осталось не понятным Й. Микколой слово *лода* (Миккола передает его как *луда*) – не только потому, что он не сумел прочесть русское соответствие *миса*, но и в связи с тем, очевидно, что карельское *luoda* в значении ‘толстая деревянная тарелка, миска’, заимствованное когда-то из рус. *блюдо* [SKES, статья luotanen], оказалось полностью вытесненным более современным вариантом *b’uodo*. Еще одно забытое слово *сталца* в паре со *ста^в* отражает бытовавший в собственно карельских говорах термин *stalttša* (< *stauttša) ‘став, деревянная чашка, иногда миска, кружка’, особенно применительно к личной посуде, используемой старообрядцами [KKS]. Слово является русским заимствованием, зафиксированным у Даля в виде *ставь*, **ставец** (именно этот вариант должен восстанавливаться в истоках карельского слова), *ставчик* ‘деревянная точеная чаша, глубокое блюдо, общая застольная миска’ [Даль]. Важно, что оно бытовало когда-то в Поморье, в начале XX века его удалось застать (в лексике сказок) в поморских говорах как *ставецёк* ‘деревянная чашка, употребляемая при еде холодных жидких кушаний: болтушки, редьки с квасом, рыбы, крошенной в квас, и т. п.’ [Дуров, 2011].

В словарной паре *ва^{ву}* – *приста^в* русский перевод имеет семантику ‘сторож, надзиратель, «приставленный» к заключенному’. Исходя из него, следовало бы прочесть карельский член пары как *valvoja ‘наблюдатель’. Хотя это слово не фиксируется словарями карельского языка, оно может быть без проблем образовано по присущей карельскому словообразованию модели отглагольных имен производителей действия от глагольной основы *valvo* ‘наблюдать, стеречь’. Однако поскольку написание не дает возможности предложенного прочтения, приходится полагать, что слово услышано или воспроизведено неверно.

Наряду с отдельными словами в рукописи присутствует целый ряд глагольных словосочетаний, собственно, коротких фраз с переводами, превращающих словарные записи в своего рода двуязычный разговорник. Некоторые из них легко прочтываются, будучи оформлены соответствующим образом: *пюги перти* (*pyyhi perti*) – *паши избу* или *вирита тули* (*virita tuli*) – *зажги ого^н* и др.

В других случаях исходное словосочетание просматривается в самом порядке расположе-

ния слов: *оу^{ло}* (*ulloš*) – *вынеси*; *ка^нна* (*kanna*) – *вонь*; *рык^атъ* (*kanna ulloš rikat* ‘вынеси вон мусор’). Слова *дно* (без перевода) и *шув^а* (*šuvä*) – *ѣти*, расположенные рядом, образуют фразу *anna šuvä* ‘дай поесть’, точно так же, как соседние *ови* (*ovi*) – *двери* и *шула* (*šule*) – *затвори* формируются во фразе *šule ovi* ‘закрой дверь’.

Не исключено, что устойчивую связку представляют собой соседние слова *стари^к* – *вукконе* (*ukkone*) и *ва^{га}* (без перевода): *ukkone vanhane, букв. ‘старичок старенький’, образованное по принципу сочетаний, свойственных фольклорным текстам, типа *Ukkoine Väinämöine* ‘старичок Вяйнэмейнен’ в тексте заговора или *ukkoine gryhnäine* ‘старичок грешничек’ в тексте одной загадки [KKS, статья ukkoine].

Потенциально материал указывает, кажется, на то, что и некоторые другие слова списка – это расписанные на составляющие словосочетания.

Нельзя обойти вниманием случай с несопадением личных форм в паре *опаштат* – *оучу*. Составителя записей, надо полагать, интересовала форма 1-го лица («я учу»), которую он и хотел услышать от своего информанта; а тот, согласуясь с ситуацией, назвал ему этот глагол в форме 2-го лица: *ораštат* ‘ты учишь’. Это классическая ситуация взаимного недопонимания людей, говорящих на разных языках.

Отражение в словарных записях реалий тюремного быта

Анализ лексического содержания словарных записей говорит о том, что их составитель сгруппировал слова в тематические ряды, связанные с названиями предметов домашней утвари, одежды, животных, рыб и т. д. В одном из тематических рядов представлены «формулы общения», в двух других нашли отражение реалии тюремного быта и замысел Феофана о побеге (см. табл.).

Тематические ряды слов, представленные в записях Феофана.

Тема	Словарные статьи на л. 273 об.:
«время зажечь огонь»	вирита тули – зажги ого ^н ; тушь – свеча; вага – воск; келло – колоколь; тулукша ^т – w’ниво; тагла – трут; йса ту ^{да} – высичь w’гна
«уборка помещения»	вашта – вѣтникъ; пюги перти – паши избу; оу ^{ло} – вынеси; ка ^н на – вонь; рык ^а тъ – ме ^{во}
«одежда»	па ^{ка} – пла ^т ; нюблиа – пүго ^{ка} ; рипуга – повѣсь
«направление»	алешта – назад; w’гла – направо; вазма ^н ке ^л ла – налѣво
«ведро»	ве ^{ро} – ре ^{ги} ; дно – по ^{га} ; обру ^а – ва ^{ны}
«посуда»	ка ^т тыла – коте ^н ; па ^{да} – горшо ^к
«древесный материал и изделия из него»	брывно – гиржи; крöвлia – каты; до ^{ка} – лабда

Тема	Словарные статьи л. 274:
«птица»	си́би – крыло; шу́га – перо
«животные»	ка́зи – ко́шка; ко́ра – соба́ка; гукка – во́къ; лиси́ца – ре́бо; ги́ри – мышь
«церковь»	кири́ко – церковь; ри́ти – кресть
«побуждение к действию»	ки́рюта – пиши; сирита – погла ^а ; ношша – подо ^а ми
«печь, посуда, соль»	оу́го ^е – ги́ли; кивга – пѣщъ; ло́да – ми́са; шола – со ^а ; сталца – ста ^а
«емкость»	ро́ве – коробка
«изучение карельского языка»	впашта ^т – оучу; мага ^т – оумѣшь; ка́рлази – по-корѣлску; венегѣкши па ^а са – по-руску
«употребительные глаголы»	ла́нги – оупа́ла; пиди́а – надоби; ма́та – спа́ти; лѣнвѣ – бу́де ^т
«формулы общения»	юмала а́пу ^а – Богъ на́ помо ^а ; те́рвѣ – здо́ро ^а ; аву́та ^а и ^а ла – [помогает] напере ^а ; а́но шу́ва – [дай] ѣ ^а ти
«тюремное заключение»	ва ^а ву ^а – приста ^а ; лу́кку – замо́къ; ава́нь – клу ^а ; шула – затвори; сви – двери; еккуна – шкошко; ли ^а на – горо ^а ; та́гана – [позади]
«побег»	пи́рти – изба; ла́са – пу́ти; ю́ши – [убежал].
«речная и озерная рыба»	шу́ка – гавги; агве ^а – шку ^а ; старги – плотица; са́вна – та́зи; лагна – лещъ
«время, старость»	вў́жи – го ^а ; стари ^а – вўкконе ^а ва ^а га ^а

Реалии тюремного быта отразились, прежде всего, в двух начальных рядах слов, объединенных темами «зажжения огня» и «тюремного заключения». Известно, что Головленкова тюрьма, в которой сидел Феофан, считалась на Соловках одним из самых мрачных застенков. Построенная внутри крепостной стены, она не имела окон. Жизнь узников, лишенных дневного света, протекала при свете лучины или свечи. Вероятно, поэтому для Феофана столь важны были слова и выражения, связанные с темой огня: вирита ту́ли – зажги шго^а; тушь – свеча; ва́га – во́скъ; кѣлло – ко́локъ^а; тулу́кша^т – шни́во; тагла – трут; и́са ту́да – высичъ шгна. Упоминание в этой парадигме слов кѣлло – ко́локъ^а, вероятно, связано с тем, что огонь в камере зажигали по сигналу колокола, доносившемуся с часовой звонницы.

Предметный мир соловецкой тюрьмы отчетливо отразился и в другом ряде слов, объединенных темой «тюремного заключения»: ва^аву^а – приста^а; лу́кку – замо́къ; ава́нь – клу^а; шула – затвори; сви – двери; еккуна – шкошко; ли^ана – горо^а; та́гана – [позади]. Как установил археолог В. А. Буров, исследовавший устройство Головленковой тюрьмы, камера, в которой, скорее всего, был заключен Феофан, представляла собой глухое помещение разме-

ром 3 на 3 метра, высотой 2,3 метра, находившееся внутри «города» (крепостной стены). Стены камеры были сложены из валуна; валунным было и ее основание, что исключало возможность подкопа [Буров, 2000. С. 35–42].

Тяжелая кованая дверь в камеру запиралась на засов. Узкий проход (шириной 0,47 м, высотой 1,4 м и длиной 1,3 м), через который, лишь согнувшись, с трудом можно было протиснуться, соединял камеру с караульным помещением. Доступ в него преграждала еще одна железная дверь, запиравшаяся на замок. В караульной нес службу «пристав» (тюремный сторож).

Из караульной был выход в тюремный дворик, огороженный бревенчатым частоколом. В стене камеры на высоте около полутора метров от пола имелось узкое отверстие-«продух» (воздуховод), закрывавшееся маленьким слюдяным окошком. Ширина «продуха» составляла 18 см, высота 28 см, длина чуть более 1 метра [Буров, 2000. С. 35–36, 42]. Возможно, именно это окошко нашло отражение в словарной паре еккуна – шкошко в группе слов, посвященных теме «тюремного заключения».

С реалиями соловецкой тюрьмы, вероятно, был связан еще целый ряд слов, включенных в тематические группы «печь», «посуда», «одежда», «церковь», «уборка помещения», «формулы общения», «рыба» и т. д. (см. табл.). Как установили археологи, в караульном помещении рядом с камерой, в которой сидел Феофан, имелась печь (об этом свидетельствуют найденные там изразцы XVII в.). В стене самой камеры было сделано отверстие для деревянного желоба длиной около двух с половиной метров, по которому остатки пищи выводились наружу. Изучение их показало, что основу питания заключенных составляла рыба [Буров, 2000. С. 34–39]. Посуда, в которой ссыльным грекам и украинцам приносили пищу, по-видимому, была на Соловках предметом особого внимания. Считая их «неправославными» (крещены без полного погружения), соловецкие старообрядцы чуждались есть с ними из одних сосудов и выделили для них отдельную посуду – те самые «горшки», «ставцы» и «мисы», которые упомянуты в записях Феофана [РГАДА, ф. 125, оп. 1, 1669, д. 5, л. 36].

Особый интерес представляет ряд слов, связанных с темой «побега»: пи́рти – изба; ла́са – пу́ти; ю́ши – [убежал]. Отсутствие перевода последнего слова (говорящего непосредственно о побеге) выдает потаенную мысль Феофана, которую он, очевидно, побоялся доверить бумаге. С подготовкой к побегу, по-видимому, связана и другая группа слов, с которыми Феофан надеялся обратиться к ко-

му-то из местных жителей на берегу и попросить его о помощи: *юмала апу^х – Богъ на помо^о; терве^е – здоро^о; авута^а и^ила – [помогает] напере^а; а^ано шувла – [дай] ~~ѣ~~ти.*

Орфографические особенности записей Феофана

Остановимся теперь на орфографической стороне записей. Основные особенности письма Феофана были охарактеризованы в статье Н. А. Мещерского [Мещерский, 1961. С. 20–21]. Говоря об употреблении гласных букв, он указал, в частности, что буквы «у» и «оу» всегда пишутся в начале слова, а буквы «о» и «ук» – в середине или конце (*уго^о, убру^у, икошко, ику^у, иви, и^ила, ипашта^т; оуго^ое, оучу, оум~~ѣ~~шь, оу^оло^о*).

Далее Н. А. Мещерский отметил, что буква «я» в начале слов обычно пишется как йотированная «а» (*а*), а после согласных – как «юс малый» (*а*). С этим замечанием, однако, трудно согласиться, так как йотированная «а» встречается в обеих позициях: и в начале слова, и после согласных (*ази, алешта, кр^овля, ке^ола, по^оа, и^ила, старги, пид^а*). Что же касается буквы «юс малый», то она, действительно, пишется только после согласных (*тул^укш^а, ис^а т^уда, венег^екши^и па^са, са^вна^а*).

Характеризуя написание гласных «е» и «ѣ», Н. А. Мещерский отметил, что обе буквы пишутся в соответствии с орфографической традицией. Единственное отклонение от нее он обнаружил в слове *надоби* (где на месте «ѣ» стоит «и»). По его мнению, в этом написании проявился «севернорусский диалект» автора словарных записей. Укажем еще один аналогичный пример: в словосочетании *высичь огня* (императив 2-го лица ед. ч.) на месте «ѣ» также написана «и». По-видимому, в обоих случаях следует видеть отражение природного языка архимандрита Феофана, который, как уже сказано, был малороссом. В то же время написание слова *свеча* с гласной «е», действительно, может быть объяснено орфографической традицией старопечатных изданий, в которых на месте «ѣ» в безударных слогах обычно пишется «е» [Колесов, 1980. С. 186; Галинская, 1985. С. 44].

Главной особенностью орфографической системы составителя словарных записей является использование двух различных букв «г» – «г обычной» (в виде «молоточка») и «г с крючком». Первая используется для передачи гортанного придыхательного звука [h], вторая – для обозначения взрывного заднеязычного [g].

На эту особенность также обратил внимание Н. А. Мещерский, который дал ей следующую ха-

рактеристику: «В записи встречаются два совершенно разных по начертанию письменных знака: один – близкий к обычной букве “г”, но с несколько удлинненной влево и вниз горизонтальной черточкой; другой – также близкий по начертанию к той же букве, только вытянутый кверху и загнутый влево над строкой. Первый знак находим как в начале слова, так и в середине, например, в русских словах “годъ”, “богъ”, “город”, “огонь”, “огня”, “огниво”, “погляди”. Этот же знак читаем в карельских словах *венегекши, лагна, вага, агвен, пюги, пог’я, гиржи, гукка, гири, гили*. Этот знак должен соответствовать придыхательному согласному звуку “h”. Второй знак читается главным образом лишь в середине слова перед гласными. Он виден в русских словах “зажги”, “горшок” и в карельских словах *ланги, ренги, шулга, кивга*; оба знака читаются в карельском слове *гавги*: первый знак – в начале слова, второй – в середине, перед гласной буквой “и”. В русском слове “пуговка” первоначально был написан первый знак, а затем исправлен на второй. Очевидно, данный знак соответствует заднеязычному взрывному согласному звуку “г”» [Мещерский, 1961. С. 20–21].

К сказанному Н. А. Мещерским можно добавить следующее. Благодаря тому, что мы знаем теперь имя автора записей и основные вехи его биографии, становится ясно, что с двумя буквами «г» он познакомился, скорее всего, еще в школе. Обе буквы входили в азбуку церковнославянского языка, с которой начинается «Грамматика» Мелетия Смотрицкого (Евье, 1619 г.). Первая из них – «обычная г» (или «глагол») – использовалась для написания исконно славянских слов. В произношении жителей Юго-Западной Руси она звучала как фрикативный звук [h]. Вторую букву – «г с крючком» (или «гамму») – Мелетий Смотрицкий заимствовал из греческого алфавита для передачи взрывного [g] в словах, заимствованных из древних языков, греческого и латинского: *грамматика, логика, орфография, Одигитриа*.

«Граматику» Мелетия Смотрицкого, изданную в Евье, изучали в школах Малороссии и Молдавии. В то же время в России было распространено московское издание «Граматики» (1648 г.), в котором буква «г с крючком» была исключена. В орфографической системе московского извода она оказалась ненужной, поскольку у великороссов не было противопоставления фонем /g/ и /h/. Не имея фрикативного звука [h], они вполне обходились одной буквой г («глагол»), но использовали ее для передачи взрывного звонкого заднеязычного звука.

Для архимандрита Феофана, обученного орфографии в малороссийской школьной тради-

ции, естественным было использование обеих букв «г». Благодаря этому он сумел корректно передать различие согласных [h] и [g] карельского языка. По сути, его записи представляют собой довольно точную транскрипцию карельских слов с помощью средств кириллического алфавита. Фрикативному [h] в них соответствует кириллическая буква «г» (или «глагол»), а заднеязычному [g] – «г с крючком» (или «гамма»). При этом в двух случаях Феофан допустил ошибку, написав слова *кивга* (*kiugua*) и *сарги* (*sárgi*) с обычной «г». Но заметив свою оплошность, он исправил «глагол» на «гамму»: *кивга*, *сарги*.

Отметим еще несколько орфографических особенностей письма Феофана. Слово *брьвно* написано им, по-видимому, в соответствии

с орфографической традицией, а слова *колокъл* и *клуч* – в соответствии с их произношением. Феофан охотно использует выносные согласные буквы (г, й, д, т, л, в, н, к, с, ч, ш, х), но на письме они не всегда ясно различаются. Вероятно, поэтому при копировании слов с черновика он иногда сам допускал в них ошибки: *тру^а* (вместо *тру^у*), *ва^аву^у* (вместо *ва^уву^у*). Обращает на себя внимание нехарактерное использование выносных гласных «а» и «е» в карельском слове *^ава^ага^{не}* (*vanhane*).

В большинстве слов – карельских и русских – проставлены ударения. В русских словах, начинающихся с гласных, имеются диакритические знаки. Слова *плотица* и *спати* написаны с лигатурой «ти».

ПРИЛОЖЕНИЕ

В предшествующих публикациях текста карельско-русских словарных записей XVII в., выполненных Й. Микколой и Н. А. Мещерским, некоторые слова были переданы с ошибками, а несколько «темных мест» остались непроцитированными. Кроме того, в пуб-

ликации Мещерского был перепутан порядок следования листов соловецкой рукописи (сначала помещены словарные статьи с л. 274, а затем – с л. 273 об.). В связи с этим текст карельско-русских словарных записей был подготовлен нами заново.

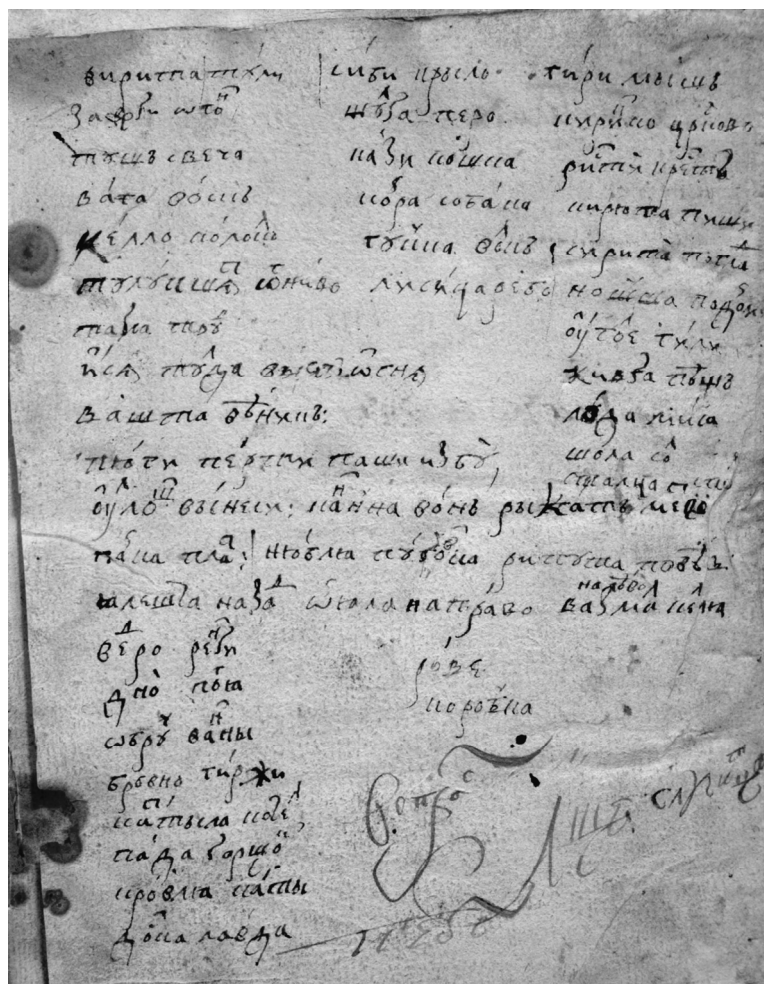

Рис. 2. Сол., № 648/706. Карельско-русские записи архимандрита Феофана на л. 273 об.

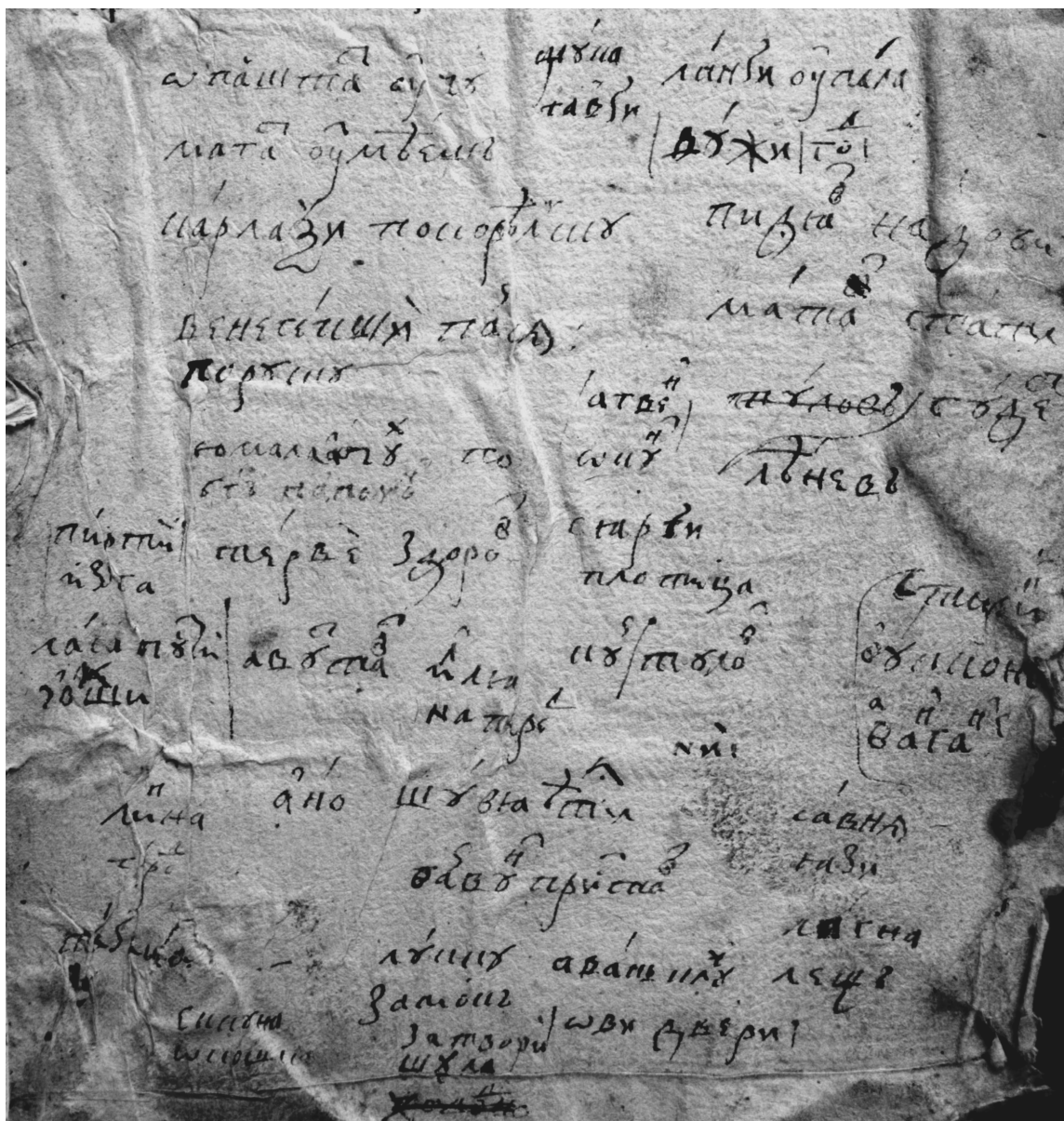

Рис. 3. Сол., № 648/706. Карельско-русские записи архимандрита Феофана на л. 274

Публикацию предваряем кратким описанием соловецкой рукописи, в которой эти записи сохранились.

Описание рукописи Соловецкого собр., № 648/706

РНБ, Сол., № 648/706. Патерик Азбучный с добавочными статьями. XVII в. (сер.). 4°. 274 л. Полуустав, почерк одной руки. Филлигрны: 1) «кувшинчик» одноручный под полумесяцем, на тулове литеры I/GO – типа: Хивуд № 3603 (1646 г.); 2) «лилия» в гербовом щите под короной – типа: Дианова, Костюхина. № 921 (1646 г.); 3) герб «Страсбургская лилия» – типа: Гераклитов. № 170 (1647 г.). Переплет: доски в коже с тиснением, в среднике – «птица неясить». Переплет разбит, корешок оторван, застежки утрачены. На корешке – наклейка XIX в. с надписью: «Патерикъ Скитской. № 648».

Содержание. Л. 1–174: Патерик Азбучный в двух частях; л. 175–272: добавочные статьи

(в основном из «Лавсаика»); л. 272–272 об.: апокрифический рассказ о крещении Иоанна Крестителя и пророка Захарии; л. 273 об. – 274: карельско-русские словарные записи афонского архимандрита Феофана, сделанные в 1666–1668 гг.

Записи. На л. 1 (почерком кон. XVII в.): «По милости Божии и великихъ московскихъ святителей Петра, Алексѣя, Ионы и Филиппа, скорыхъ помощниковъ и теплыхъ заступниковъ и молѣбниковъ ко Съпасу о душахъ нашихъ». На л. 222 об. – 223 об.: «Феофанъ архимандри^т Святой горы»; «в заточении сѣда, чтохъ сию книгу». На л. 272 об.: «Феофанъ архима^тдри», «Многи скорби праведнымъ и от всѣхъ ихъ избави^т ѿ Господь, хранить Господь вса кости и^т» (Пс. 33).

Лит.: Описание рукописей Соловецкого монастыря. Казань, 1885. Ч. 2. С. 186–188.

**КАРЕЛЬСКО-РУССКИЕ СЛОВАРНЫЕ ЗАПИСИ,
СДЕЛАННЫЕ АФОНСКИМ АРХИМАНДРИТОМ
ФЕОФАНОМ В СОЛОВЕЦКОЙ ТЮРЬМЕ
(1666–1668 гг.)**

// (л. 273 об.)

1-й столбец

1. вирита ту́ли (*virita tuli*) – зажги вго¹
2. тушь (*tuohuš*) – свеча
3. ва́га (*vaha*) – во́скъ
4. келло (*kello*) – ко́локъ²
5. тулу́кша³ (*tulukšet*) – в⁴гн⁵во
6. та́гла (*tagla*) – тры⁶
7. йса́ ту́да (*ise tulda*)² – высичь в⁷гн⁸
8. ва́шта (*vašta*) – в⁸н⁹икъ
9. пю́ги перти (*pyyhi perti*) – паши³ изб⁹
- 10–12. оу́ло¹⁰ (*ulloš*) – вынеси; ка¹¹нна (*kanna*) – вонь;⁴ рыка́тъ⁵ (*rikat*) – ме¹⁰во (?)⁶
- 13–15. па́ка (*paikka*) – пла⁷; ню́бля (*nyblä*) – п¹²го¹³ка¹⁴; рипута (*riputa*) – пов¹⁵сь
- 16–18. палешта (*jälēštä*) – назад; в¹⁶та́ла (*oigiella*) > *oijella*) – направо; вазма¹⁷ ке¹⁸лла (*važemmella keällä*) – нал¹⁹во
19. ве¹⁹ро – ре²⁰ги (*rengi*)
20. дно – по²¹та (*pohja*)
21. вбру²² – ва²³ны (*vanneh*)
22. бр²⁴вно – гиржи (*hirži*)
23. ка²⁵тыла (*kattila*) – коте²⁶
24. па́да (*pada*) – горшо²⁷
25. кро́вля – каты (*katto*)
26. до²⁸ка – ла́вда (*lauda*)

2-й столбец

27. си́би (*siibi*) – крыло
28. шу²⁹га (*šulga*) – перо
29. ка́зи (*kazi*) – ко́шка
30. ко³⁰ра (*koira*) – соба́ка
31. гук³¹ка (*hukka*) – во³²къ
32. лиси́ца – ре́бо (*rebo*)

3-й столбец

33. ги́ри (*hiiri*) – мышь
34. кири́ко (*kirikkö*) – церковь
35. ри³⁵ти (*risti*) – кре³⁶тъ
36. кирюта (*kirjuta*) – пиши
37. сирита (*silitä*) – погла³⁷
38. нош³⁸ша (*nošša*) – подо³⁹ми
39. оу́го³⁹е (*hiili*) – гили
40. кивга⁴⁰ (*kiugoa / kiugua*) – п⁴¹щъ
41. ло́да⁴¹ (*luoda*) – ми́са
42. шола (*šuola*) – со⁴²
43. сталца (*stalttša* < *stauttša) – ста⁴³(?)

¹ Описка (правильно: тры⁶).² Форма императива.³ В значении 'мети'.⁴ Перепутаны значения карел. слов (правильно: ulloš – вонь, каппа – вынеси).⁵ Буква «к» написана поверх «п»; первоначально было: *рыпать*.⁶ Последние две буквы нрзб.⁷ Буква «г с крючком» написана поверх первоначальной обычной «Г».⁸ То же.⁹ Буква «о» написана поверх «у»; первоначально было: *луда*.

(Добавление внизу листа)

44. ро́ве (*roveh*) – коробка

// (л. 274)

1-й столбец

45. впашта⁴⁵ (*opaštät*) – оучу⁴⁶
46. мага⁴⁶ (*mahat*) – оум⁴⁷бешъ
47. ка́рлажи (*karjalaksi*) – по-кор⁴⁸ялску
48. венег⁴⁹кши па⁵⁰са (*venäyäkse paissa*) – по-руску
49. юмала а́пу⁴⁹ (*jumala apuh*)¹¹ – Богъ на́помо⁴⁹
50. те́рвè (*terveh*) – здоро⁵⁰
- 51–52. аву́та⁵¹ и⁵²лла (*avuttau iellä*) – ...¹² напере⁵¹
- 53–54. а́но шу́вта (*anna syuvä*) – ...¹³ в⁵³ти
55. ва⁵⁵ву⁵⁵ (*vaivun*)¹⁴ – приста⁵⁵
56. лу́кку (*lukku*) – замо́къ
57. авань (*avan* < *'avain*) – клу⁵⁷
58. шула (*šule*) – затвори⁵⁸
59. вви (*ovi*) – двери
60. екуна (*ikkuna*) – вкошко

2-й столбец (слева от 1-го)

61. пи́рти (*pirtti*) – изба
62. ла́са (*lase*) – пу⁶²ти
63. ю⁶³ши (*juokši*) – ...¹⁶
64. ли⁶⁴на (*linna*) – горо⁶⁴
65. та́гана (*tagana*) – ...¹⁷

3-й столбец (справа от 1-го)

66. шу́ка – гавги (*haugi*)
67. агве⁶⁷ (*ahven*) – вкы⁶⁷
68. старги⁶⁸ (*särgi*) – плотица
- 69–70. ку⁶⁹ туло⁷⁰ (*kui tulou*) – ...¹⁹
71. ни́и (*nii*) – ...²⁰
72. са́вна (*säynä*)²¹ – тази
73. лагна (*lahna*) – лещъ

4-й столбец

74. ла́нги (*langi*) – оупа́ла
75. ву́жи (*vuoži*) – го⁷⁵
76. пидта⁷⁶ (*pidäy*) – надоби
77. ма́та⁷⁷ (*moata*) – спа́ти
78. л⁷⁸невъ²³ (*lieneu*) – бу́де⁷⁸
79. стари⁷⁹ – ву́кконе (*ukkone*)²⁴ ва⁷⁹га²⁵ (*vanhane*)

¹⁰ Форма русского слова (1-е л. ед. ч.) не соответствует форме карельского (2-е л. ед. ч.).¹¹ За этим выражением следует начало какого-то слова, оставшегося недописанным: *по...*¹² Перевод 1-го слова отсутствует (ср.: *avuttau* 'помогает').¹³ То же (ср.: *anna syuvä* 'дай поесть').¹⁴ Исходя из русского перевода, должно быть *valvoja.¹⁵ Первоначально было переведено русским словом «холодно», потом это слово зачеркнуто.¹⁶ Перевод отсутствует (ср.: *juokši* – 'убежал').¹⁷ То же (ср.: *tagana* 'сзади, позади').¹⁸ Буква «г с крючком» написана поверх первоначальной обычной «Г».¹⁹ Перевод отсутствует (ср.: *kui tulou* – 'как будет?').²⁰ То же (ср.: *nii* – 'да').²¹ Форма ед. ч. (*säynä* 'язь').²² Первоначально было: *матав* (с выносной буквой *v*, которая потом зачеркнута).²³ Первоначально было написано *ту́ловъ*, потом зачеркнуто и испр. на *л⁷⁸невъ*

Источники и литература

Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963. Грамота № 292. С. 120–122.

Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). М., 1963. С. 103–104. Грамота № 403.

Баранцев А. П. О людиновском языковом памятнике начала XVII века // Совет. финно-угроведение. 1984. № 4. С. 298–303.

Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжина А. В. Диалектологический атлас карельского языка. Helsinki, 1997. (Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 97).

Бузов В. А. Головленкова тюрьма XVI–XVIII вв. Соловецкого монастыря. СПб., 2000.

Галинская Е. А. К истории фонемы «ять» в одном из севернорусских говоров конца XVI – первой половины XVII в. // Вестник МГУ. Сер. 9. «Филология». 1985. № 5. С. 41–46.

Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1884. Т. 2.

Даль В. Словарь живого великорусского языка в четырех томах. М., 1989–1991.

Дело о патриархе Никоне. СПб., 1897.

Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. 453 с.

Елисеев Ю. С. Древнейший письменный памятник одного из прибалтийско-финских языков // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1959. Т. 18. Вып. 1. С. 65–72.

Из рукописей Е. В. Барсова: Дело об архимандрите Афонской горы Феофане, приехавшем в Россию за сбором и заподозренном в шпионстве 1664 г. // ЧОИДР. 1886. Кн. 1. Отд. V. С. 16–30.

История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. 943 с.

Каптерев Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. 2-е изд. М., 1914. С. 191–192.

Колесов В. В. Историческая фонетика русского языка. М., 1980.

Лавровский Л. Несколько сведений для биографии Паисия Лигарида, митрополита Газского // Христианское чтение. 1889. С. 714–715.

Леонид (Кавелин), архим. Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706) // РИБ. СПб., 1878. Т. 5. С. 551–552, № 207.

Леонид (Кавелин), архим. Рассказ о святогорских монастырях архимандрита Феофана (Сербина), 1663–1666. СПб., 1883.

Макарий (Булгаков), митроп. История Русской Церкви. 2-е изд. М., 1996. Кн. 7. Т. 12. С. 227–229, 421–422.

Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. И. Субботина. Т. 3. Акты, относящиеся к истории Соловецкого мятежа. М., 1878.

Мещерский Н. А. Русско-карельские словарные записи XVI – начала XVII в. // Прибалтийско-финское языкознание. К 70-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. В. Бубриха. М.; Л., 1961. С. 16–32.

Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада. СПб., 2003.

Мызников С. А. О некоторых особенностях вепско-людиновских заговоров олонецкого сборника // Материалы XXXVIII международной филологической конференции. Уралистика. СПб., 2009. С. 98–103.

Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской Духовной академии / Сост. И. Я. Порфирьев, П. В. Знаменский, А. В. Вадковский, Н. Ф. Красносельцев и др. Казань, 1885. Ч. 2. С. 186–188.

Панченко О. В. Магический квадрат, или Приключения святогорца в России (из истории русско-афонских связей XVII в.) // Variante loquella: Alexandro Gavrilov septuagenario / Hyperboreus; Studia classica. Vol. 16–17. 2010–2011. С. 453–476.

Соловецкое собрание Российской национальной библиотеки, № 648/706. Патерик Азбучный с добавочными статьями. XVII в. (сер.). 4°. 274 л. (В тексте – Сол., № 648/706).

Хелимский Е. А. О прибалтийско-финском языке в новгородских берестяных грамотах // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарий и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986. С. 252–259.

Челобитная архимандрита Феофана к патриарху Никону из Кириллова монастыря // ГИМ. Синодальное собр. грамот. № 1070.

Чумичева О. В. Соловецкое восстание (1667–1676 гг.). Новосибирск, 1998.

Фонкич Б. Л. Греческое книгописание в России в XVII в. // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования. СПб. 1994. С. 40–41.

Фонкич Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв.: Греческие рукописи в России. М. 1977. С. 45–47, 49.

Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im russischen. Helsinki. 1919. SUST XLIV.

Karjalan kielen sanakirja. I–V. LSFU XVI. Helsinki, 1968–1997. (В тексте – KKS).

Laakso J. Vielä kerran itämerensuomen vanhimmista muistomerkeistä // Virittäjä. 1999. № 4. S. 531–555.

Mikkola J. Karjalaisia sanoja XVII vuosisadalta // Virittäjä. 1901. S. 101–102.

Mikkola J. Vanha karjalais-venäläinen sanaluettelo // Virittäjä. 1932. S. 101–104.

Saarikivi J. Finnic personal names on Novgorod birch bark documents // Topiks on the ethnic, linguistic and cultural making of Russian North. Studia Slavica Helsingiensia 32. 2008. S. 196–246.

Seemann K.-D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur. München, 1976.

Suomen kielen etymologinen sanakirja. I–VII. LSFU, XII. Helsinki, 1955–1981. (В тексте – SKES).

Zaikov P. Karjalan kielen murreoppi. Petroskoi, 1987. 128 s.

Архивные источники

Российский государственный архив древних актов (в тексте – РГАДА).

Дело о приезде в Москву Афонския горы Констанитова монастыря архимандрита Феофана для испрошения милостыни // РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. (Сношения России с Грецией). Оп. 1. 1663 г. Д. 8. 12 л.

Дело о ссылке в Кириллов монастырь под начало Афонския горы Констанитова монастыря архимандрита Феофана // РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. (Сношения России с Грецией). 1663 г. Д. 9а. 102 л.

Переписка Кирилло-Белозерского монастыря о пребывании в монастыре Афонского Констанито-

ва монастыря архимандрита Феофана и келаря Василиана, о побеге Феофана и о ссылке его в Соловецкий монастырь // РГАДА. Ф. 196 (Собр. Ф. Ф. Мазурин). Оп. 2. Д. 71. 69 л.

Расспросные речи стрельцов Силки Аверкиева с товарищами от 19 июня 1669 г. // РГАДА. Ф. 125 (Монастырские дела). Оп. 1. 1669. Д. 5. Л. 14–15.

Челобитная соловецкой братии И. А. Волохову с извещением о высылке «опальных людей» от 16 июня 1669 г. // РГАДА. Ф. 125 (Монастырские дела). Оп. 1. 1669. Д. 5. Л. 33–34.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Муллонен Ирма Ивановна

главный научный сотрудник, д. фил. н.
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск,
Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: mullonen@krc.karelia.ru
тел.: (8142) 784496

Панченко Олег Витальевич

старший научный сотрудник, к. фил. н.
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
наб. Макарова, 4, Санкт-Петербург, Россия, 199034
эл. почта: pankow@mail.ru
тел.: (812) 3281901

Mullonen, Irma

Institute of Language, Literature and History, Karelian
Research Centre, Russian Academy of Sciences
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk,
Karelia, Russia
e-mail: mullonen@krc.karelia.ru
тел.: (8142) 784496

Panchenko, Oleg

Institute of Russian literature, Russian Academy of Sciences
4 Makarov embankment, 199034 St. Petersburg, Russia
e-mail: pankow@mail.ru
тел.: (812) 3281901